

**«МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ»
А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО
В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ**

Николай Иванович Безлепкин (nick-bezlepkin@yandex.ru)

Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Будённого,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Безлепкин Н.И. (2019) «Методология истории» А.С. Лаппо-Данилевского в российских университетах. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(5): 121–140. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.5.8>

Аннотация. Рассматривается проблема целостного осмысления теоретического вклада А.С. Лаппо-Данилевского в развитие отечественной методологии истории и особенности реализации полученных им результатов в практике преподавания в российских университетах. Отмечается, что Лаппо-Данилевский стоял у истоков не только методологии истории, но и социологии. Многие вопросы социального знания рассматривались им в лекциях по методологии истории. Обращается внимание на фундаментальные принципы, лежащие в основе разработанной ученым теории исторического знания и методологии источниковедения: принцип исторического целого, причинно-следственности и целесообразности; принцип условий существования, систематического единства знания, единства человеческой природы и чужой одушевленности, исторической оценки при выборе фактов; принцип консенсуса и эволюции. Философско-методологическая рефлексия оснований исторического познания позволила Лаппо-Данилевскому выйти за пределы традиционного историографического рассмотрения проблем исторического знания и создать собственную концепцию методологии истории, которая интегрировала в себя достижения современной ему науки: методической школы, психологической школы В. Вундта, герменевтики В. Дильтея, баденской школы философии истории. Целью исследования является раскрытие особенностей становления и развития отечественной методологии истории с середины 80-х годов XIX в. до 1920-х годов, а также реализация положений и выводов концепции Лаппо-Данилевского в современной образовательной практике российских университетов. Применение интеркультурной методологии, компаративистского метода, а также реактуализации философско-исторического наследия А.С. Лаппо-Данилевского способствовало выявлению как принципиальных отличий, так и сходства его концепции с теоретико-методологическими построениями М.М. Хвостова, Л.П. Карсавина, раскрытию значения «Методология истории» для теоретического осмысления современных проблем гуманитарного познания, подготовки профессионалов исторического профиля. Отмечается, что усилиями учеников и последователей Лаппо-Данилевского творческое наследие ученого нашло свое воплощение в преподавании в российских университетах, но это касалось преимущественно методологии источниковедения. Теория исторического знания, которая

сегодня чаще воспринимается как методология гуманитарного познания в целом, все еще требует своей реабилитации после долгих лет забвения и необходимости сделать ее достоянием программ обучения в российских университетах.

Ключевые слова: методология истории, теория познания, социология, позитивизм, неокантианство, теория исторического знания, методология источниковедения.

Столетие, минувшее со дня кончины А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919), актуализирует внимание научной общественности к тому вкладу, который внес ученый в разработку проблем методологии истории и социального познания в целом. Лаппо-Данилевский — пример разностороннего ученого, научная деятельность которого свидетельствует о том, что успехи в конкретной области науки, в данном случае истории, достигнуты не только скрупулезной и глубокой работой с историческим материалом, но и посредством философско-методологической рефлексии по поводу применяемых в научном исследовании методов. В своем наиболее важном труде «Методология истории», ставшем итогом многолетних исканий, ученый подчеркивал, что «без методологических размышлений нельзя достигнуть некоторого единства в области научных представлений; лишь строго придерживаясь той теоретико-познавательной точки зрения, которая всего более удовлетворяет такому требованию нашего сознания, мы можем пользоваться соответствующими принципами и методами, чтобы обосновать наше знание, объединить известные данные нашего опыта, придать единство нашему научному построению и выработать систему научных понятий, а не довольствоваться разрозненными научными представлениями» (Лаппо-Данилевский 2006: 10).

Обращение Лаппо-Данилевского к философско-методологическим основаниям исторических и социальных исследований было вызвано потребностями преодоления кризиса в науке на рубеже XIX–XX вв., связанного с пониманием того, что традиционные познавательные методы недостаточны для осмысления исторической реальности, оно стало продолжением и углублением отечественной традиции, основанной на признании необходимой связи, существующей между историей, философией и социологией. Внимание Лаппо-Данилевского к проблемам методологии исторического исследования вытекало из его стремления превратить историю «в строгую науку», что не представлялось возможным без обращения к философии.

Взаимосвязь философии и исторической науки рассматривалась отечественными историками как важный фактор ее профессионализации. Известный русский историк второй половины XIX в. Т.Н. Грановский,

отмечая роль философии в развитии исторической науки, подчеркивал, что «ни одна наука не подвергается в такой степени влиянию господствующих философских систем, как история» (Грановский 1852: 20). Философия, по его мнению, «стала необходимым пособием для истории, дала ей направление к всеобщему, усилила ее средства и обогатила ее идеями, которые из самой истории не могли скоро развиваться» (Грановский 1961: 42). Благодаря обращению к философии, вторил ему Лаппо-Данилевский, историки углубили и расширили понятие о своей науке, «начали соответственно видоизменять постановку ее задач и методов» (Лаппо-Данилевский 2006: 20). Вооруженный философским видением историк воспринимает исторические факты и события как часть единого целого, их принадлежность к целому своей культуры.

Особенно значимым влияние философии было для развития методологии истории. Несовершенство исторической науки, считал Грановский, связано не с бессилием историков, а заключалось «в отсутствии строгого метода и в недостаточно ясном сознании целей нашей науки. <...> Пока история не усвоит себе надлежащего метода, — был убежден ученый, — ее нельзя будет назвать опытной наукой» (Грановский 1892: 19, 23). Отсюда понятен интерес, который проявляли историки в разные времена к историографии, которая рассматривалась ими как история истории, дающая представления о бывшем и его научном построении. В.О. Ключевский, указывая молодым преподавателям истории на различие между историей и историографией отмечал: то, что было — это история, ученые мнения о былом — это историография.

Интерес отечественных историков к проблемам методологии истории заметное вырос в последней трети XIX в. Вопросы о том, что такое историческое знание, каковы его генезис и структура, является ли оно истинным или ложным, если истинным, то каковы критерии истинности исторического знания, является ли историческое знание копией действительности или субъективной конструкцией или реконструкцией, чем отличается метод познания прошлого от методов изучения настоящего и предвидения будущего, являются ли методы исторического исследования методами отражения прошлого или методом построения исторического знания, все более выходили на первый план.

К методологическим вопросам истории обращались многие видные историки и философы: П.Н. Ардашев, Д.И. Багaley, П.М. Бицилли, А.С. Бубнов, В.А. Быстрянский, Р.Ю. Виппер, В.И. Герье, Н.И. Кареев, Л.П. Карсавин, Н.М. Лукин, П.Н. Милюков, Н.П. Павлов-Сильванский, Д.М. Петрушевский, М.Н. Покровский, Н.А. Рожков, Е.В. Тарле, С.Л. Франк, В.М. Хвостов, М.М. Хвостов, А.В. Шестаков, Г.Г. Шпет, Е.Н. Щепкин и др.

Интерес к решению встающих перед исторической наукой методологических проблем получил отражение и в практике преподавания в российских университетах. К началу XX в. чтение курсов лекций по проблемам методологии в отечественной историографии имело место в университетах и других учебных заведениях Москвы, Петербурга, Казани. Немного позднее, чем в Московском, Санкт-Петербургском и Казанском университетах, начала преподаваться теория и методология истории в Новороссийском и Киевском университетах. Курсы лекций по методологическим проблемам исторической науки в высших учебных заведениях России поначалу опирались преимущественно на теоретические исследования самих историков. Как отмечал Лаппо-Данилевский, «значение преподавания методологии истории... теперь уже осознается многими. В университетах курсы по истории комбинируются с курсами по методологии истории» (Лаппо-Данилевский 2006: 17).

Однако до 1890-х годов в российской историографии цельного изложения системы теории и методологии истории не существовало, хотя со времен Н.И. Надеждина и Т.Н. Грановского теоретические вопросы периодически обсуждались (Ростовцев 2004: 102). В начале 1890-х годов В.С. Иконников, автор классического «Опыта русской историографии», на который ссылается в работе А.С. Лаппо-Данилевский, характеризуя положение в исторической науке, писал: «...мы доселе не имеем... *строного метода* и... довольно ясного сознания настоящих целей нашей науки... при современном состоянии науки, все еще приходится разбирать элементарные вопросы, на которые не стоит тратить труда в других сферах знания... история, как наука, еще не определилась окончательно, т.е. не успела выработать ни твердо устоявшегося *метода*, ни точно определенных общих *законов*, управляющих историческою жизнью человечества... настоящей так наз. *теории истории* даже нет» (Ростовцев 2004: 102).

Отсчет становлению и развитию российской методологии истории ведется с середины 1880-х годов, и в нем выделяются три периода. В соответствии с этой периодизацией для первого периода характерно торжество классического историзма и позитивистского подхода, для второго — господство марксистского подхода и появление альтернативных подходов; для третьего — отрицание марксистского подхода и утверждение неклассических и постнеклассических подходов (Дорошенко 2007: 7).

Первый период становления и развития отечественной методологии истории (середина 1880-х — середина 1920-х годов) в российских университетах характеризуется переходом от преподавания историографии к чтению курсов по методологии истории. В 1884/1885 уч. г. В.О. Ключевский приступил к чтению курса «Методология русской истории» в Мос-

ковском университете, в Петербургском университете Лаппо-Данилевский вел трехгодичный лекционный курс по методологии истории. После смерти Лаппо-Данилевского этот курс в университете читал Н.И. Кареев. В третьем старейшем русском университете — Казанском — лекции по методологии и философии истории читал профессор М.М. Хвостов, выпускник Московского университета, с 1907 г. — профессор Казанского университета.

Большинство русских историков в этот период разделяло позитивистский подход к науке, который воспринимался как такой способ, каким возможно обосновать научность историографии, перевести историческое знание на более реалистическую позицию. Профессора российских университетов на основе позитивистской программы подходили к историческому исследованию как к особому виду интеллектуальной деятельности со своим языком и методологией, пытались очертить его предмет, выделить сферу исторического знания в обособленную область научного познания, стремились преодолеть ограниченность и умозрительность историософских построений религиозных мыслителей, упорно сохраняющих свои позиции в общественном сознании. Так, М.М. Хвостов в статье «К вопросу о задачах истории» (1909), в которой фактически изложил свои взгляды на историческую науку, связывает ее развитие с разработкой трех частей — теории истории, методология истории и философии истории. Позднее, в курсе, читаемом в Казанском университете в 1912/1913 уч. г., М.М. Хвостов излагает их видение. Под методологией истории он понимал учение о приемах исторического мышления. По его мнению, методология представляет собой часть логики. Она дает критерии для проверки научной ценности выводов историка. «Методология истории есть учение о приемах мышления, применяемых для исследования исторических явлений» (Хвостов 2011: 3).

М.М. Хвостов обращает внимание на необходимость выработки методов исторической науки. Методология исторической науки имеет своей целью не производство процесса мышления, а проверку достигнутых результатов, научную ценность исторических открытий (Хвостов 2011: 4). В разделе курса, посвященного методологии истории, Хвостов анализирует этапы исторического исследования, роль вспомогательных исторических дисциплин, методы познания. Обращаясь к методологии истории как к учению, при помощи которых познается прошлое человеческого обществ, историк выделяет пять стадий, на основе которых строится историческая наука. «1-я стадия — стадия установления исторических фактов; 2-я стадия — группировка фактов в их хронологической последовательности; 3-я стадия — установление причинной связи между

фактами; 4-я стадия — расположение фактов в хронологических рамках, но по принципу обобщения; 5-я стадия — объяснение фактов при помощи общих суждений (общих понятий)» (Хвостов 2011: 86). Основой теоретических и методологических построений Хвостова выступал позитивизм, в соответствии с духом которого изучаются явления, а не сущности, используются идеи и методы естествознания, а метафизические предпосылки исключаются из исследования.

Хвостов, как и ряд других русских историков, в подходах к решению теоретических проблем исторической науки опирался на принятые в научной среде позитивистские послылы. Так, общие понятия, которые используются в научном исследовании, по мнению ученого, должны быть целиком и полностью основаны на эмпирическом историческом материале (Хвостов 2011: 38). Вместе с тем, разбирая органическую концепцию общества, историк указывает на недопустимость сведения общества к органической форме. Между обществом и животным организмом, считает он, есть глубокая разница, что обуславливает более сложный механизм социальной эволюции, в отличие от природной. В обществе возникает новое явление — сознательное воздействие на структуру общества (Хвостов 2011: 19). При этом ученый справедливо указывает на то обстоятельство, что «руководит обществом лишь небольшая сознательная и культурная часть общества» (Хвостов 2011: 20). В последующем историк углубляет эти положения рассуждениями о принципиальной несводимости законов общественной жизни к законам природы в силу «приблизительности обобщения», вытекающей из сложности изучаемых историй объектов. Опора на позитивистскую программу, критически переосмысленную отечественными историками, открывала новые перспективы для развития исторической науки, ее освобождения от историософских наслоений, способствовала институционализации новых исторических дисциплин. Преподавание истории в российских университетах, в свою очередь, обрело большую предметность и мировоззренческую направленность.

Позитивистская методология истории, излагаемая большинством профессоров-историков, была построена на утверждении, что строгое знание — это прежде всего знание верифицируемое, т.е. открытое для воспроизведения исследовательских процедур, сохраняющее возможность их повторного проведения, предполагающее контроль научного сообщества над его результатами. «Нет истории без текстов» — таким был главный тезис историков-позитивистов, имевших в виду текст документа в его материальном образе. Изучение свойств материального образа объекта (его подлинность и доступность для внешней критики) составляло главное содержание их исследовательской работы.

Однако образ объекта в его эмпирической реальности ограничивал интерпретационные возможности изучения того, что стоит «за текстом», за материальным образом. Данная проблема находится уже в центре внимания неокантианства, возникшего на фоне кризиса позитивизма. Методологические подходы неокантианства ориентировали на различие наук о природе и наук о культуре, в центр изучения ставится интерпретация взаимодействия объекта (в его эмпирической форме) и субъекта познания. Неокантианская парадигма определяла новое качество методологии наук о культуре. Но и она, как подчеркивает О.М. Медушевская, имела свои ограничения, свои проблемные поля: информационный потенциал, будучи оторван от материального образа, оказывается недоступным для верификации, остается в сфере деятельности познающего субъекта, но не науки в целом (Медушевская 2010: 25).

Крайности позитивистского и неокантианского методологических подходов успешно преодолевает в «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевский, которого отличала склонностью к разработке философских проблем, далеких от конкретики историографии (Малинов 2013: 90). В создании концепции методологии исторического знания А.С. Лаппо-Данилевский опирался на опыт российской и мировой исторической науки. Ученому удалось интегрировать в созданную им систему методологии истории достижения современной ему науки: методической школы, психологической школы В. Вундта, герменевтики В. Дильтея, баденской школы философии истории. В этом смысле школа Лаппо-Данилевского выходит далеко за рамки национальной науки. В то же время научно-теоретические изыскания Лаппо-Данилевского обусловлены тем исследовательским опытом, который был накоплен несколькими поколениями ученых петербургской исторической школы. Сам принцип «индивидуализирующего знания», положенный в основу структуры методологии истории, неразрывно связан с исследовательской практикой петербургской школы, к которой принадлежал и сам ученый (Ростовцев 2004: 295).

Подходы ученого к историографии эволюционируют в сторону более расширительного понимания ее проблематики. Присущий ему своеобразный методологический универсализм существенно расширял его возможности по исследованию методологических проблем исторического знания и социогуманитарного познания в целом (Козловский 2013). Лаппо-Данилевский стоял у истоков не только методологии истории, но и отечественной социологии. Философия истории в этот период нередко рассматривалась в качестве синонима социологии. Поскольку в Петербургском университете в начале XX в. социология непосредственно не преподава-

лась, то многие вопросы социального знания рассматривались ученым в лекциях по методологии истории.

Лаппо-Данилевский отмечал, что курс русской историографии имеет двойное значение — общее и специальное: «Общее значение курса состоит в том, что он принадлежит к разряду курсов по истории науки, специальное — в том, что он дает некоторое понятие о развитии русской исторической науки» (Киреева 1983: 123). Лаппо-Данилевский, творчески переосмысливая выводы позитивистской и неокантианской школ, более расширительно рассматривает историографию — с исторической, феноменологической и логической точек зрения. Историческая перспектива давала научные представления о бывшем, с феноменологической точки зрения предмет историографии заключался в изучении исторических концепций, получивших свое выражение в каком-либо произведении исторической литературы, логический подход позволял найти ответы на важные вопросы исторической науки о логике развития научного знания, формах его выражения. В совокупности исторический, феноменологический и логический подходы не только способствовали выработке системного взгляда на историю, но и закладывали основы новой парадигмы развития гуманитарного познания. Господствовавшие на рубеже XIX–XX вв. позитивизм и неокантианство, претендовавшие на роль философии науки, стали лишь отправной точкой в разработке Лаппо-Данилевским концепции методологии истории. «Для Лаппо-Данилевского была важна по преимуществу общая цель и задача этих направлений, а не конкретные методологические аспекты философских школ. В своем учении он следовал общему духу научной философии», целью которой было создание «всеобъемлющей системы теоретического обществоведения» (Малинов, Погодин 2001: 174–175).

В работе «Методология истории» Лаппо-Данилевский обращает внимание на связь между теорией познания и исторической наукой. Он убежден: лишь строго придерживаясь теоретико-познавательной точки зрения, ученый получает возможность выбора принципов и методов исторического познания для обоснования полученного знания, объединения данных опыта, придания единства научному построению и выработки системы научных понятий. По его мнению, только истинное знание, характеризуемое систематическим единством, называется наукой, и оно достижимо через сочетание системы методов научного мышления и системы принципов научной методологии. В этой связи Лаппо-Данилевский отмечает, что развитие науки зависит от степени разработки ее методологии. Ученый различает две основных задачи методологии науки: «Методология науки преследует две задачи — основную и производную;

основная состоит в том, чтобы установить те основания, в силу которых наука получает свое значение, т. е. выяснить значение ее принципов; производная сводится к тому, чтобы дать систематическое учение о тех методах, которыми что-либо изучается. Подобно методологии всякой другой отрасли науки, и методология истории, разумеется, ставит себе те же задачи; соответственно им она и распадается на две части; я назову их теорией исторического знания и учением о методах исторического мышления» (Лаппо-Данилевский 2006: 18–19).

Теория исторического знания, изложенная в части первой «Методологии истории», обращена к логической структуре исторического знания и рассматривается Лаппо-Данилевским как основная задача методологии науки, призванная установить «те основания, в силу которых наука получает свое значение, т. е. выяснить значение ее принципов» (Лаппо-Данилевский 2006: 18–19). В качестве первоочередных принципов исторического знания ученый выделяет принцип исторического целого, указывающий на необходимость рассматривать факты с точки зрения их функционального значения и в зависимости от цели исследования и позволяющий в результате группировки элементов получить относительно целое; принципы причинно-следственности и целесообразности; принцип условий существования, интерпретирующий отношения индивида со средой; принцип систематического единства знания, объединяющий данные опыта; принцип единства человеческой природы, связанный с истолкованием проблемы «чужого я» и чужой одушевленности; критерий исторической оценки при выборе фактов; принцип консенсуса и принцип эволюции, рассматриваемые как два аспекта одного принципа. Принципы, лежащие в основе теории исторического знания, позволяют, по мнению Лаппо-Данилевский, найти ответы на важнейшие вопросы исторического познания, «например, с какой теоретико-познавательной точки зрения история изучает данные нашего опыта? какое значение историк должен придавать принципам причинно-следственности и целесообразности в исторических построениях? каков критерий исторической оценки, на основании которого историк проводит выбор материала? в каком смысле он пользуется понятиями “эволюция”, “прогресс”, “регресс” и т.п.?» (Лаппо-Данилевский 2006: 18–19).

На основе применения философских подходов к сфере исторического познания Лаппо-Данилевскому удастся найти путь для разрешения вопроса о соотношении онтологической (философия истории и теория исторического процесса), гносеологической (теория исторического знания), логической (теория исторического исследования), аксиологической и праксеологической частей исторического знания. В концепции методо-

логии истории Лаппо-Данилевского все указанные части органично связаны между собой. В онтологической части методология истории предстает как учение о методах исторического познания. Посредством применения общих философских принципов, законов, категорий к анализу исторических явлений дается обоснование объективного статуса метода истории в его предметной специфике. Для гносеологического подхода характерна установка на знание, субъект познания; поиск гносеологических оснований исторического метода и методологии истории; анализ методов критики знания в целом и его структурных элементов; исторических источников, исторических фактов, исторических теорий; анализ методологии исторического познания в ее связи с общей теорией познания и с теорией исторического знания. В логическом аспекте предметом изучения методологии истории становилась форма изложения исторического знания. Со временем выделился круг проблем, которые были отнесены к разряду логико-методологических, куда вошли проблема логического обоснования исторического метода, вопросы о соотношении исторического метода и исторического исследования, соотношения конкретно-исторического и абстрактно-логического методов в историческом познании, соотношения логики и методологии исторического исследования. Аксиологический и прагматологический аспекты методологии истории важны постольку? поскольку «понимание ценности объекта становится необходимой предпосылкой всякого исторического объяснения и построения; путем аксиологического анализа мы и определяем, какие именно объекты подлежат научно-историческому объяснению и построению» (Лаппо-Данилевский 2006: 194). Философские подходы, таким образом, способствуют тому, что «действительность становится историей» (Лаппо-Данилевский 2006: 196).

В работах, посвященных вкладу Лаппо-Данилевского в теорию исторического знания, исследователями его творчества отмечается, что ученому в «Методологии истории» удалось доказать, что историческое знание является отраслью теории познания, что действительность истории есть ее знание и следует различать два типа подхода к истории: со стороны знания и его теоретического оформления и со стороны действительности; установить способы данности исторического, которые выражаются понятиями источника, свидетельства, исторического факта, исторического события; обосновать системный характер исторического знания, достигаемый посредством применения методологии; выделить пути достижения единства и полноты предмета исторического изучения на основе синтеза номотетической и идиографической точек зрения, ставящими перед собой особого рода познавательные цели; преодолеть разрыв между познанием

истории и самой исторической действительностью на основе «аксиологического анализа», посредством которого определяется какие именно исторические факты подлежат историческому объяснению и построению (Малинов, Погодин 2001).

Осуществленный Лаппо-Данилевским синтез методологии познания истории, общества и культуры, многомерное изучение действительности позволили заложить основы социологической науки в России. «Основой его методологии истории является критическое рассмотрение двух линий исторического изучения действительности. Первая состоит в развитии номотетического знания, которое явно недостаточно для этой цели, а вторая — в развитии идиографического знания, которое становится научным только в случае, если оно пользуется, по его слову, первым и “умеет приноровить его к установлению исторического значения индивидуально-го”. Таким образом, Лаппо-Данилевский старается обойти крайности в современной ему методологии истории и начинает создавать основы исторической метасоциологии» (Козловский 2013: 7).

Во второй части своей работы Лаппо-Данилевский дает детальную проработку «учения о методах исторического мышления», представляющего собой методологию источниковедения. Эта методология целиком вытекала из теоретических предпосылок, содержащихся в теории исторического знания. Его источниковедческая парадигма ставит в центр внимания достижение строгого, логически выверенного знания, последовательного продвижения от непосредственного данного эмпирического объекта к воссозданию культурного целого, частью которого этот объект является. Этот подход и система методов составляют центральную проблему части второй «Методологии истории» (Медушевская 2010: 27). Выдающийся российский историк внес неопределимый вклад в разработку теории и методов изучения исторических источников. Ему принадлежит заслуга в создании учения об историческом источнике, определении его понятия и природы как ключевого вопроса источниковедения. Понятие источника у Лаппо-Данилевского следовало из понимания природы источника как факта и показания о нем, где исторический факт определялся как воздействие сознания данной индивидуальности на среду. Факты, обладающие свойствами «исторической ценности», выделялись ученым как факты с историческим значением. Кроме того, Лаппо-Данилевский разработал учение об интерпретации и критике исторических источников, рассмотрел задачи и возможные системы их классификации и высказал идею о культурологическом значении источников для познания прошлого.

Теоретико-методологическое наследие Лаппо-Данилевского — предмет постоянного изучения в российской историографии. Методологические

идеи Лаппо-Данилевского принимались и отрицались, развивались и подвергались критике, что свидетельствует об их постоянном влиянии на отечественную науку. Его методологическая концепция истории обосновывалась, аргументировалась и поверялась практикой исследования и преподавания в Петербургском университете с конца 1890-х годов, благодаря чему ученому удалось привлечь внимание коллег и последователей, способных оценить возможности этой теоретико-методологической парадигмы, разъяснить и интерпретировать ее познавательные идеи. Известный русский историк П.Г. Виноградов называл «Методологию истории» Лаппо-Данилевского «в высшей степени интересной и значительной работой» (Ростовцев 2004: 147). Другой представитель петербургской школы Л.П. Карсавин в 1920 г. в книге «Введение в историю» («Теория истории») охарактеризовал работу Лаппо-Данилевского как «один из наиболее обширных и систематических курсов по теории и методологии истории» и высказал мнение о том, что «для всякого серьезно изучающего вопросы теории истории она является необходимой» (Карсавин 1920: 49–50). Карсавина в «Методологии истории» особенно привлекли богатство и полнота изложения историографии предмета.

Не без влияния Лаппо-Данилевского и его «Методологии истории» Карсавин пришел к созданию собственной концепции философии истории, для которой также было характерно внимание к субъекту познания, изучение взаимодействия человеческой индивидуальности с окружающим миром, то, каким образом это взаимодействие осуществляется в познании, деятельности, социальном бытии человека. Разработанный и обоснованный им в основополагающем труде «Философия истории» собственный метод исторического познания получил название исторической диалектики и предполагает включение рассматриваемого явления или вещи в более всеобъемлющую целостность, «качествованием» которой оно является. Изучение посредством исторической диалектики связей, существующих между явлениями и вещами, которые Карсавин называет «моментами» и «качествованиями», открывает путь к решению важного вопроса о природе отношений между историческими феноменами.

Применение исторической диалектики Карсавиным означало решительное выступление против позитивистских по своей сущности «механистически-атомистических теорий истории», «атомизации» исторического процесса, который «уничтожается в бесконечном распылении его на отдельные, внеположные друг другу элементы» (Карсавин 2007: 447). «Атомизации» он противопоставляет изучение исторического процесса «в целостности и непрерывности своей», путь «восхождения к высшему». Поскольку «историческое исследование всегда и неизбежно ограничено

каким-нибудь моментом», то историк изучает его в конкретной специфичности. Историческая диалектика требует, чтобы исследователь подходил к изучаемому моменту как развивающемуся из себя и в себе целым, который «будучи стяженным всеединством, всегда в себе самом связан с другими моментами, потенциально — со всеми» (Карсавин 2007: 437–438). Чтобы рационалистически диалектическое развитие моментов и «качествований» трансформировалось в историческую диалектику необходимо, по мнению ученого, не отвлеченное систематизирование, а погружение в целое исторического развития.

При всех различиях между методологическими подходами Лаппо-Данилевского и Карсавина к историческому исследованию некоторые сущностные моменты исторического познания в их представлениях оказываются совпадающими. Таково, например, суждение Карсавина о том, что источник и источниковедение есть момент общения, встречи внутреннего мира ученого с самой сущностью исторического: «Историк должен, — пишет Карсавин, — проделать “черную работу” над источниками... чтобы уловить саму сущность исторического. — Она лучше и легче всего улавливается в ограниченной области источниковедения, где нет соблазнов отдаться на волю легкомысленных и шаблонных схем.» (Карсавин 2007: 324). Как и для Лаппо-Данилевского, для Карсавина, отмечает Медушевская, обращение к источнику — момент встречи с индивидуальностью автора, момент вершины гуманитарного творчества: историк «вычитывает из текста всегда более того, на что текст его уполномочивает» (Медушевская 1996: 254).

В новой социальной реальности, утвердившейся в России после Октябрьской революции, методология источниковедения Лаппо-Данилевского жила обособленной от его «Методологии истории» жизнью, приобретая в теории источниковедения статус капитального труда. Объяснялось это тем фактом, что методология истории, альтернативная марксистской, в советской науке не могла быть востребована. Так, один из учеников ученого С.Н. Валк, который стремился отграничить «идеалистическую» теорию истории Лаппо-Данилевского от других его работ и тем самым отвести подобающее место наследию ученого в советской исторической науке, в 1925 г. призвал историков обращаться по вопросам, связанным с «общей критикой текста исторических документов» к методологии источниковедения Лаппо-Данилевского, которую он охарактеризовал как «лучшее руководство не только в русской, но и европейской литературе этого предмета» (Ростовцев 2004: 245, 266). В конце 1930-х — начале 1940-х годов более позитивным стало отношение к наследию Лаппо-Данилевского в высшей школе. Его ученики А.А. Шилов и А.И. Андреев,

преподававшие в Историко-архивном институте (МГИАИ) в Москве, читали курсы по археографии и источниковедению «по А.С. Лаппо-Данилевскому».

В «Археографическом ежегоднике за 1994 год», посвященном 75-летию со дня кончины ученого, С.О. Шмидт отмечал, что, «сделанное Лаппо-Данилевским в области методики археографии и источниковедения было еще при жизни его воспринято как выдающееся достижение, а затем его учениками внедрено в сознание и последующих поколений, хотя и не всегда решались при этом называть его имя, ибо методические приемы и обоснования Лаппо-Данилевского оказались наиболее результативными и удобными в работах, имеющих прикладные цели» (Шмидт 1996: 233). Лаппо-Данилевский оказал влияние не только на своих учеников, но и на «сложение умонастроения основных петербургских исторических кадров». По свидетельству одного из близких ему учеников А.Е. Преснякова, труды ученого способствовали созданию в университете особой школы «по философии общественных наук, значительную и влиятельную по ее воздействию на молодые поколения» (Медушевская 2010: 38).

«Методология истории» Лаппо-Данилевского не утратила своего значения и спустя сто лет после кончины ученого как яркий пример интегрального развития социальных наук. Современные исследователи проявляют к творческому наследию ученого неизменный интерес, высоко оценивая его приложимость к решению современных проблем исторического и гуманитарного познания. Различные аспекты методологической концепции Лаппо-Данилевского нашли отражение в неоднократном переиздании в последнее десятилетие «Методология истории» в полном объеме (Лаппо-Данилевский 2006; 2010; 2019), в многочисленных исследованиях, посвященных тем или иным аспектам творческого наследия выдающегося ученого. «Встает задача творческого освоения этого снова пришедшего к нам достояния и включения его в выработанную уже систему понятий и о движении исторической мысли и о составе материалов, подлежащих использованию в нашей преподавательской деятельности (в областях и отечественной истории, и историографии, и источниковедения и иных — истории философии и социологии, исторической психологии, культурологии и др.), а следовательно, и определения места в иерархии ценностей, в шкале имен выдающихся мыслителей и исследователей. <...> Сотворенное Лаппо-Данилевским все в большей мере воспринимается как необходимая составная часть нашего сегодняшнего знания, важная в практической деятельности исследователей и в преподавании» (Шмидт 1996: 229, 232).

Признание за Лаппо-Данилевским статуса одного из классиков отечественной исторической науки нашло отражение в курсах историографии последнего времени, где его творчеству уделяется особое внимание, а принципы исторического исследования широко используются в современных курсах по методологии истории (Медушевская, Румянцева 1997: 158, 174; Ростовцев 2004: 293). В Историко-архивном институте начиная со времени его создания (1930 г.) методология источниковедческого подхода Лаппо-Данилевского активно внедрялась в образовательный процесс его учениками и последователями. Как отмечает О.М. Медушевская, «образовательная модель была ориентирована на эффективный поиск, выявление информационных возможностей, оценку исторических источников. Подготовка специалистов, способных эффективно ориентироваться в информационном пространстве культурных объектов — исторических источников любых эпох и регионов, значение которых было вполне очевидно для централизованной административной системы государства, стала той областью социально-педагогической практики, в которой данное направление прошло свое становление и развитие. В современных условиях общегуманитарного и вместе с тем междисциплинарного профиля Российского государственного гуманитарного университета это направление получило новые импульсы своего развития» (Медушевская 2010: 29).

Вместе с тем в работах, посвященных проблемам преподавания методологии истории в вузах страны, отмечается, что в советской историографии понятие «методология истории» довольно длительный период не использовалось, дисциплины под таким названием в вузовском учебном расписании не значилось, хотя какого-либо прямого запрета не существовало. Но были и исключения. В середине 1960-х годов в Томском университете под руководством его ректора А.И. Данилова были развернуты исследования по историографии с выходом на методологическую проблематику. В 1964 г. издан первый выпуск сборника научных трудов «Методологические и историографические вопросы исторической науки». А.И. Данилов занимался преподаванием ежегодных спецкурсов по методологической проблематике (Смоленский 2008: 9–10). В 1960–1970-е годы вопросы теории и методологии истории, источниковедения нашли воплощение в университете Ростова-на-Дону (школа А.П. Пронштейна), в Томском государственном университете (школа Б.Г. Могильницкого). С середины 1970-х годов на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова курс лекций «Методологические проблемы исторического познания» читал академик И.Д. Ковальченко. В середине 1980-х годов появились несколько интересных работ Б.Г. Могильницкого, включая учебник

по методологии истории, один из первых в СССР, где автор отмечает научную актуальность вопросов, поднятых Лаппо-Данилевским, и, в частности, принципов исторического знания, критериев исторической оценки, на основании которых историк производит отбор материала, познавательных целей и объекта исторической науки, специфики исторических фактов (Могильницкий 1989: 6).

Современная образовательная модель, представленная в Государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования по направлению «История», включает методологическую составляющую и в базовых, и в вариативных курсах и в дисциплинах по выбору. В настоящее время дисциплина «Методология истории» включена в учебные планы исторических факультетов практически всех университетов страны. Однако далеко не всегда творческое наследие Лаппо-Данилевского находит воплощение в этих программах. Например, в программе «Основные подходы к методологии и теории истории в России конца XIX — начала XX в.» Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет) отведено внимание Н.И. Карееву, М.М. Хвостову, Р.Ю. Випперу, Н.М. Бубнову, Л.П. Карсавину, но отсутствует даже упоминание о А.С. Лаппо-Данилевском.

Следует надеяться, что возродившийся в начале XXI в. интерес к личности выдающегося русского ученого, получивший воплощение во Всероссийских научных конференциях, посвященных 140-летию и 150-летию со дня рождения академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского, в переизданиях трудов ученого и прежде всего его «Методологии истории» в полном объеме будут способствовать оживлению работы по целостному осмыслению результатов научных исканий русского ученого и большему вниманию к методологической стороне научных исследований, по поводу которой известный французский историк А.-И. Марру писал, что «здоровье научной дисциплины требует со стороны ученых беспокойства о методологии, заботы о теории того знания, которое применяется ими» (Медушевская 1983: 57). Это в полной мере будет способствовать той цели, которую ставил перед собой А.С. Лаппо-Данилевский, убежденный в том, что методологическая рефлексия является важнейшей составляющей профессионализма ученого.

Литература

Грановский Т. Н. (1852) *О современном состоянии и значении всеобщей истории*: Речь, произнесенная в торжественном собр. Имп. Моск. ун-та 12 янв. 1852 г. М.

- Грановский Т. Н. (1892) *Сочинения*. Т. I. М.: тип. А.И. Мамонтова и К.
- Грановский Т.Н. (1961) *Лекции Т.Н. Грановского по истории средневековья*. М.: Наука.
- Дорошенко Н.М. (2007) *Методология истории: теоретические и философские основания*. СПб.: Изд-во Политех. ун-та.
- Карсавин Л.П. (1920) *Введение в историю (теория истории)*. СПб.: Наука и школа.
- Карсавин Л.П. (2007) *Философия истории*. М.: АСТ; Хранитель.
- Киреева Р.А. (1983) *Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г.* М.: Наука.
- Козловский В.В. (2013) От методологии истории к исторической мета-социологии: уроки А.С. Лаппо-Данилевского. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 3: 5–7.
- Лаппо-Данилевский А. С. (2006) *Методология истории*. М.: Территория будущего.
- Лаппо-Данилевский А.С. (2010) *Методология истории*. М.: РОССПЭН.
- Лаппо-Данилевский А. С. (2019) *Методология истории в 2 ч.* М.: Юрайт.
- Малинов А.В., Погодин С.Н. (2001) *Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ*. СПб.бург: Искусство-СПб.
- Малинов А.В. (2013) Основные принципы неокантианской философии А.С. Лаппо-Данилевского. *Вопросы философии*, 12: 89–95.
- Медушевская О.М. (1983) *Современное зарубежное источниковедение*. М.: РГГУ.
- Медушевская О.М. (1996) Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского и современное гуманитарное познание. *Археографический сборник за 1994 год*. М.: 238–255.
- Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. (1997) Методология истории. М.: РГГУ.
- Медушевская О.М. (2010) Методология истории как строгой науки. Лаппо-Данилевский А.С. *Методология истории*. М.: РОССПЭН: 23–84.
- Могильницкий Б.Г. (1989) *Введение в методологию истории*. М.: Высшая школа.
- Ростовцев Е.А. (2004) *Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа*. Рязань: Б.и. (Новейшая российская история: исследования и документы. Т. 7).
- Смоленский Н.И. (2008) *Теория и методология истории*. М.: Академия.
- Хвостов М.М. (2011) *Лекции по методологии и философии истории*. М.: ЛИБРО-КОМ.

**“THE METHODOLOGY OF HISTORY”
BY A.S. LAPPO-DANILEVSKY
AT THE RUSSIAN UNIVERSITIES**

Nikolay Bezlepkin (nick-bezlepkin@yandex.ru)

Military Academy of Communications named after Marshal
of the Soviet Union S.M. Budyonny,
Saint Petersburg, Russia

Citation: Bezlepkin N.I. (2019) Metodologiya istorii A.S. Lappo-Danilevskogo v rossiyskikh universitetakh [“The methodology of history” by A.S. Lappo-Danilevsky at the Russian universities]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(5): 121–140.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.5.8> (in Russian).

Abstract. The article considers the problem of Lappo-Danilevsky’s theoretical contribution to the development of Russian historical methodology and the realization of the results obtained in the teaching practice in Russian universities. The author recognizes that Lappo-Danilevsky contributed not only to the methodology of history, but also to sociology. Since sociology was not taught directly at St Petersburg University in the early twentieth century, many questions of social knowledge were addressed in his lectures on the methodology of history. Attention is drawn to the fundamental principles underlying the theory of historical knowledge and the methodology of source study developed by the outstanding scientist: the principle of historical totality, causality and expediency, the principle of conditions for existence, the systematic unity of knowledge, the unity of human nature and others’ spirituality, historical assessment in choosing facts; the principle of consensus and evolution. Philosophical and methodological reflection of the foundations of historical knowledge allowed Lappo-Danilevsky to go beyond the traditional historiographical consideration of the problems of historical knowledge and create his own concept of history methodology, which integrated the achievements of contemporary science: the methodological school, the psychological school of W. Wundt, hermeneutics by W. Dilthey and the Baden school of philosophy of history. The purpose of the study is to reveal the peculiarities of formation and development of the Russian methodology of history from the middle of the 80-s of the 19th century to the 20-s of the 20th century, as well as the implementation of the principles and conclusions of Lappo-Danilevsky’s conception in educational practice of Russian universities. The application of intercultural methodology, comparative method, and reactualization of the philosophic-historical heritage of A.S. Lappo-Danilevsky contributed to the identification of both fundamental differences and similarities between his concept and theoretical-methodological constructions of M.M. Khvostov, L.P. Kar-savin, revealing the significance of the “Methodology of history” for theoretical understanding of current problems of humanitarian knowledge, training of historians. It is noted that through the efforts of students and followers of Lappo-Danilevsky his

creative legacy was included in teaching in Russian universities, but it concerned mainly the methodology of source study. The theory of historical knowledge, which today is more often perceived as the methodology of humanitarian knowledge in general, still requires rehabilitation after many years of neglect and the need to make it a part of the curriculum in Russian universities.

Keywords: methodology of history, theory of knowledge, sociology, positivism, Neo-Kantianism, theory of historical knowledge, source study methodology.

References

- Granovsky T.N. (1852) *O sovremennom sostoyanii i znachenii vseobshchey istorii* [On the current state and meaning of universal history]. Moscow (in Russian).
- Granovsky T.N. (1892) *Sochineniya* [Essays]. Vol. I. Moscow: Tipografiya A. I. Mamontova i K. (in Russian).
- Granovsky T.N. (1961) *Lektsii T.N. Granovskogo po istorii srednevekovia* [Lectures of T.N. Granovsky on the history of the Middle Ages]. Moscow: Nauka (in Russian).
- Doroshenko N.M. (2007) *Metodologiya istorii: teoreticheskiye i filosofskkiye osnovaniya* [Methodology of history: theoretical and philosophical foundations]. St. Petersburg: Izd-vo Politekhnicheskogo universiteta (in Russian).
- Karsavin L.P. (1920) *Vvedeniye v istoriyu (teoriya istorii)* [Introduction to History (Theory of History)]. St. Petersburg: Nauka i shkola (in Russian).
- Karsavin L.P. (2007) *Filosofiya istorii* [Philosophy of history]. Moscow: AST; Khranitel' (in Russian).
- Kireyeva R.A. (1983) *Izucheniye otechestvennoy istoriografii v dorevolyutsionnoy Rossii s serediny XIX v. do 1917 g.* [The study of Russian historiography in pre-revolutionary Russia from the middle of the XIX century. until 1917]. Moscow: Nauka (in Russian).
- Kozlovskiy V.V. (2013) Ot metodologii istorii k istoricheskoy metasotsiologii: uroki A.S. Lappo-Danilevskogo [From history methodology to historical metasociology: lessons of A.S. Lappo-Danilevsky]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 3: 5–7 (in Russian).
- Lappo-Danilevsky A.S. (2006) *Metodologiya istorii* [Methodology of history]. Moscow: Territoriya budushchego (in Russian).
- Lappo-Danilevsky A.S. (2010) *Metodologiya istorii* [Methodology of history]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (in Russian).
- Lappo-Danilevsky A.S. (2019) *Metodologiya istorii v 2 ch.* [Methodology of history in 2 parts]. Moscow: Yurayt (in Russian).
- Malinov A.V., Pogodin S.N. (2001) *Aleksandr Lappo-Danilevsky: istorik i filosof* [Alexander Lappo-Danilevsky: historian and philosopher]. St. Petersburg: Iskustvo-SPb (in Russian).
- Malinov A.V. (2013) Osnovnyye printsipy neokantskoy filosofii A.S. Lappo-Danilevskogo [The basic principles of the neo-Kantian philosophy of A.S. Lappo-Danilevsky]. *Voprosy filosofii* [Philosophy issues], 12: 89–95 (in Russian).
- Medushevskaya O.M. (1983) *Sovremennoye zarubezhnoye istochnikovedeniye* [Modern foreign source study]. Moscow: RGGU (in Russian).

Medushevskaya O.M. (1996) *Metodologiya istorii A.S. Lappo-Danilevskogo i sovremennoye gumanitarnoye poznanie* [Methodology of the history of A.S. Lappo-Danilevsky and modern humanitarian knowledge]. *Arkheograficheskiy sbornik za 1994 god* [Archaeographic collection for 1994]. Moscow: 238–255 (in Russian).

Medushevskaya O.M. Rumyantseva M.F. (1997) *Metodologiya istorii* [History Methodology]. Moscow: RGGU (in Russian).

Medushevskaya O.M. (2010) *Metodologiya istorii kak strogoy nauki* [Methodology of history as a strict science]. In: Lappo-Danilevsky A.S. *Metodologiya istorii*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya: 23–84 (in Russian).

Mogilnitskiy B.G. (1989) *Vvedeniye v metodologiyu istorii* [Introduction to the methodology of history]. Moscow: Vysshaya shkola (in Russian).

Rostovtsev E.A. (2004) *Lappo-Danilevskiy i peterburgskaya istoricheskaya shkola* [Lappo-Danilevsky and Petersburg historical school]. Ryazan: without a publisher. (Noveyshaya rossiyskaya istoriya: issledovaniya i dokumenty. Vol. 7) (in Russian).

Smolenskiy N.I. (2008) *Teoriya i metodologiya istorii* [Theory and Methodology of History]. Moscow: Akademiya (in Russian).

Khvostov M.M. (2011) *Lektsii po metodologii i filosofii istorii* [Лекции по методологии и философии истории]. Moscow: LIBRO-KOM (in Russian).